

Дебютные работы

РЕЗИДЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Вахштайн Виктор Семенович

Студент факультета социологии Московской Высшей школы социальных и экономических наук

Email: mss021001@msses.ru

Введение

Данная работа посвящена анализу феномена резидентности как фактора социальной стратификации. Под резидентностью мы понимаем «неравенство в сроках проживания», которое конституирует особый тип стратификационной системы, названной нами «резидентальной». Целью исследования является изучение влияния резидентных различий на стратификацию в сообществах микро-, мезо- и макроуровня: от малой социальной группы до социума.

Исследование резидентности как фактора социальной стратификации становится актуальным в контексте изучения процессов миграции. Миграция оказывает значимое влияние на процессы воспроизводства и перераспределения неравенства, создавая страты новоприбывших, занимающих те социальные позиции, которые ранее занимались коренными жителями или старожилами. Тем не менее, проблема резидентности остается на втором плане миграционных исследований, значительно уступая по популярности другому фактору стратификации – этничности. Мы предполагаем, что гипертрофированное внимание, уделяемое этничности в стратификационных исследованиях, искажает реальную картину перераспределения неравенства.

Можно выделить два аспекта проблематизации резидентности: практический и гносеологический. Практическая сторона изучения резидентности связана с разрешением конфликтов, возникающих в результате обособления и противоборства страт резидентов и иммигрантов. Понимание специфики резидентности позволит построить единую схему анализа для резидентальных конфликтов микро-, мезо-, и макроуровня: от групповых и организационных до социетальных. Однако поиск возможных способов использования понятия резидентности в практике разрешения конфликтов не входит в задачи данной работы. Гносеологическая значимость проблемы резидентности – ее значимость собственно для теории стратификации – обусловлена необходимостью анализа всех факторов распределения, перераспределения и воспроизводства неравенства в обществе, вовлеченном в миграционные процессы.

Объем данной работы не позволяет детально рассмотреть все аспекты резидентности – за скобками остается анализ резидентальных институтов: формальных (выслуга лет) и неформальных (дедовщина); резидентальных ролей («старожил», «отец-основатель», «новоприбывший»); резидентальных сообществ (резидентность как фактор социальной *дифференциации*: «Общество потомков первых колонистов», «Клуб первых выпускников»). Предмет анализа ограничен резидентностью как фактором распределения, поддержания и воспроизводства неравенства – ее собственно стратификационными аспектами.

Автор выражает благодарность докторанту Еврейского Университета (Иерусалим) М. Богомольному за перевод с иврита отдельных фрагментов работ израильских социологов, без которых данное исследование было бы неполным.

Глава 1. Резидентность и стратификация

В основе резидентальной (*от латинского resident – проживающий*) стратификационной системы лежит дифференциация социальных групп по срокам проживания в стране (регионе, городе и т.д.). Здесь отношение к человеку определяется количеством лет, которые он сам (*первичная резидентность*) или поколения его предков (*вторичная резидентность*) прожили на территории данной социально-территориальной системы. Наибольшим престижем обладает тот, кто «прожил здесь дольше», «приехал сюда раньше» или чьи предки принадлежат к поколению «отцов-основателей» и «строителей государства». Таким образом, резидентность формирует особый – основанный на принципе хронологической дифференциации – тип стратификационной системы (по аналогии с пространственной дифференциацией, лежащей в основе социально-территориальной стратификации).

Несмотря на многочисленные проявления стратифицирующего влияния фактора резидентности, которое мы обнаруживаем практически в любом сообществе, вовлеченном в процессы миграции, в чистом виде резидентальная стратификационная система практически не встречается. (Наиболее ярко ее действие проявляется в жизни «переселенческих обществ», а на мезоуровне – в жизни армейской казармы.) Она всегда так или иначе связана с другими типами стратификационных систем – культурно-нормативной, культурно-символической, классовой, этакратической. А потому о «стратификационных системах» мы говорим лишь как об идеальных типах, не отождествляя их напрямую с историческими типами общественного устройства (как делает это, например, Э. Гидденс [11: 196–199]), предполагая вслед за В.В. Радаевым [14: 50], что любое общество представляет собой комбинацию стратификационных систем. Одной из которых – в ряде случаев – является система резидентальная.

1) Резидентность vs. этничность

Несмотря на многочисленные исследования миграционных процессов, осуществленные во второй половине XX в., значение фактора резидентности остается малоизученным. Ему придается меньшее значение, нежели этничности, также выступившей на первый план стратификационных исследований в контексте массовой послевоенной иммиграции. Так, Э. Гидденс подчеркивает связь этнических различий с социальным неравенством: «Этнические различия редко «нейтральны». Они часто связаны со значительным неравенством в распределении богатства и власти...». Гидденс выделяет *этноцентризм*, *групповые барьеры* и *перераспределение ресурсов* в качестве механизмов, фактически превращающих этнические меньшинства в «андеркласс» [11: 235–239]. По его мнению, любая культура этноцентрична, а умело созданные в результате стратификационной политики социальные барьеры позволяют закрепить положение этнических меньшинств на нижних ступенях социальной лестницы.

Необходимо подчеркнуть, что, как правило, именно этнические и конфессиональные различия выделяются исследователями в качестве причины обособления и изоляции групп мигрантов [1: 16–36], [2: 545–555], [3: 128–153], [4: 51–65], [5: 70–89], [7], [11: 234–240]. Значит ли это, что группа новоприбывших, не отличающаяся от большинства резидентов ни в культурном, ни в этническом отношении, имеет равные с ними шансы на продвижение вверх? Если отсутствуют такие факторы обособления и изоляции меньшинств, как стратификационная политика, этноцентризм и общее «этническое сознание», способствующее солидаризации иммигрантов в инокультурной среде, значит ли это, что данные группы будут приняты как равные и неизбежно потеряют свою «иммигрантскую» идентичность в плюралистическом обществе? И если определяющим является именно фактор этнокультурных различий, то в чем причина обособления и размежевания групп

представителей различных волн иммиграции из одной и той же страны (это особенно заметно на примере отношений двух волн советской иммиграции в США и Израиле: семидесятников и иммигрантов 1990-х)?

Мы предполагаем, что причина превращения отдельных волн иммиграции в относительно обособленные социальные страты кроется в феномене резидентности. «Теория этничности» делает акцент на некоем априорном, иррациональном этноцентризме, способствующем «выпадению» (а точнее – «выдавливанию») этнических меньшинств в нижние слои. Резидентность же выступает в качестве функционально-заданного универсального принципа стратификации, проявляющегося и в малых группах, и в обществах. Маргинальное положение новоприбывших (принадлежащих новой системе лишь частично) – закономерное и функционально необходимое проявление ограничивающего фактора резидентности.

2) Резидентальная стратификационная система: условия, формы, основания

Резидентность существует практически в любой социальной системе, *обладающей территорией* (пространством взаимодействия) и вовлеченной в процессы *миграции* (т.е. такой, в которой состав участников взаимодействия не является постоянным). Следовательно, можно говорить о многоуровневом характере резидентальных различий – резидентность проявляется как в микро-, так и в макросистемах. В зависимости от длительности существования, масштабов и уровня (микро-, мезо-, макро-), доминирующими являются либо первичные, либо вторичные резидентальные различия.

Первичная резидентность – это различия в сроках проживания на протяжении жизни одного поколения. Иными словами, это различия между приехавшими раньше и приехавшими позже. *Вторичная резидентность* предполагает деление на «старосемейный» и «новосемейный» классы (У. Уорнер) – на потомков старожилов и новоприбывших.

На микроуровне, уровне малых социальных групп, вторичная резидентность отсутствует. Различия между «новичками» и «старожилами» в классе средней школы или в общежитской комнате – это первичные резидентальные различия. Мы также можем говорить о доминировании первичной резидентности и на мезоуровне, уровне организаций. Однако здесь эти различия институционализируются – появляются как формальные институты, закрепляющие резидентальное неравенство («выслуга лет»), так и их неформальные аналоги. (Например, при необходимости «распределения наград», полученных организацией, среди сотрудников, наибольшими шансами обладают отнюдь не те, кто занимают более высокие посты в организации, а те, кто дольше в ней проработал – так резидентность служит индикатором меритократического распределения).

В то же время на мезоуровне впервые появляются вторичные резидентальные различия. Любопытный пример – класс потомственных работников предприятий в Японии. Помимо новичков и старожилов в японских корпорациях существует прослойка «потомственных» работников, чьи родители большую часть жизни проработали на данном предприятии. Эта «укорененность» служит залогом их лояльности компании.

Так, с возникновением вторичной резидентности, резидентальная структура усложняется и возникает *резидентальная триада*: деление на «коренных», «старожилов» и «новичков». Наиболее полно она воплощается на городском уровне. Здесь статус резидента передается по наследству (развитие вторичной резидентности). Если культурные различия, претензии на выражение ценностей, проводят границу между членами «старых семей» (жителями города в *n*-м поколении) и «новых семей» (не уходящих корнями в городскую «почву»), то экономические различия разделяют жителей, проживших в городе большую часть жизни (независимо от того, родились они в нем или нет), и новоприбывших.

В наиболее развитом виде резидентальная стратификационная система приобретает следующий вид/

резиденты	1. «СТАРЫЕ» СЕМЬИ
	2. «НОВЫЕ» СЕМЬИ
иммигранты	3. СТАРОЖИЛЫ
	4. НОВОПРИБЫВШИЕ

Разделение на страты 3 и 4 (при отсутствии страт 1 и 2) характерно для малых групп, социальных организаций и молодых переселенческих обществ. Иными словами, в сообществах, где доминирует первичная резидентность. Обратная ситуация – наличие страт 1 и 2 при отсутствии страт 3 и 4 – наблюдается в переселенческих обществах, имеющих хотя бы вековую историю и не подверженных «нашествию иммигрантов»; в сообществах, где определяющей является вторичная резидентность. На уровне города данная схема сводится к триаде: коренные жители (резиденты) – старожилы – новоприбывшие, поскольку отсутствует (в большинстве случаев) деление внутри резидентной группы – деление на «старые» и «новые» семьи.

Соответственно нами выделяются три *этапа* развития резидентальной стратификации: становление первичной резидентности, формирование резидентальной триады, разделение на «старые» и «новые» семьи внутри резидентного слоя.

Процесс развития резидентальной стратификации идет параллельно процессу институционализации резидентальных различий. Институциональный аспект резидентности изучен в наименьшей степени. Мы можем лишь предположить, что по мере становления резидентальной стратификационной системы *формальные институты*, закрепляющие резидентальные различия (правила получения гражданства, видов на жительство, прописки; на предприятии – выслуга лет), приобретают все большее значение для закрепления и воспроизводства неравенства.

Таким образом, мы можем выделить три основания резидентальной стратификационной системы, проявляющиеся фактически на любом уровне: от общежитской комнаты до общества. Это неравное *распределение ресурсов* (прибывшие раньше имеют больше возможностей для их «узурпации»), специфический *социальный навык*, обретаемый новичком в процессе социализации, и «*ценности места*» (культурный капитал), на выражение которых могут претендовать лишь резиденты. Четвертое основание – *формальные институты*, закрепляющие резидентальные различия, – не является универсальным, существующим на всех уровнях. Оно является основанием *воспроизводства* неравенства на уровне крупных общностей.

Удельный вес каждого основания определяется не только спецификой социальной системы, но и формой резидентности. В США различия между российскими иммигрантами 1970-х и 1990-х гг. обусловлены разной интегрированностью в ткань американского общества. Старожилы видят в новоприбывших конкурентов, приехавших занять их рабочие места. В этом специфика первичной резидентности.

Иной характер носит разделение на «старые» и «новые» американские семьи. Потомки «первопроходцев» и «отцов-основателей» дорожат своим статусом резидентов, дающим им право на выражение «подлинно американских ценностей». Вторичная резидентность в большей степени связана с культурными основаниями резидентальной системы, поскольку различия в обладании ресурсами между потомками старожилов и новичков менее значимы.

3) Примеры стратифицирующего действия резидентности

В качестве примера проявления резидентности на микроуровне можно привести жизнь комнаты в общежитии. Подобная малая группа – если ее численность удовлетворяет определению малой группы – полностью отвечает описанным выше условиям: она вовлечена в процессы миграции (состав комнат редко остается неизменным), и ее члены связаны общим пространством интеракции (в данном случае – проживания). Новичку, которому приходится подселиться в уже занятую комнату, как правило, достается самая неудобная койка, сломанная тумбочка и перегоревшая настольная лампа. И очевидно, не потому, что именно этими предметами обихода обладал его предшественник. А потому, что остальные обитатели комнаты – приобретающие с появлением «новичка» статус резидентов – уже перераспределили ресурсы.

Предметы домашнего обихода – отнюдь не единственные «ресурсы», неравенство которых определяет стратификацию. Новоприбывший еще недостаточно социализирован в рамках данного сообщества – он не знает, что хлеб принято покупать по очереди, что кран с горячей водой нельзя закручивать до упора, что ключ нужно оставлять под ковриком и т.д. Для приобретения этой жизненно необходимой информации и социального навыка ему требуется время. Кроме того, старожилы выступают по отношению к новичку в качестве носителей особого, стремительно мифологизирующегося «духа комнаты», включающего традиции, нормы, ритуалы и ценности. (К примеру, всеобщего презрения может быть удостоен новичок, выбрасывающий бутылки из-под пива, вместо выставления их на видном месте – так как последние, будучи мерой совместно выпитого, символизируют солидарность членов сообщества.) Нужно отметить, что появление новичка способствует осознанию ценностей самими резидентами, которые могли и не задумываться об их существовании до появления новоприбывшего.

Принятие ценностей, усвоение норм, участие в ритуалах – неперенные условия *вертикальной мобильности* в рамках данного сообщества. Социализуясь, новоприбывший может получить статус резидента («прописаться») и даже занять позицию лидера.

Предметом отдельного исследования являются отношения новичков первой и второй волны. Даже на микроуровне можно заметить, что новички, уже социализировавшиеся и ставшие старожилами, ревностно следят за усвоением норм и ценностей новичками, пришедшими им на смену. Они уделяют поддержанию основ больше внимания, чем сами «отцы-основатели». Мы предполагаем, что не резиденты, «творцы ценностей», а именно новоприбывшие первой волны, затратившие значительные усилия для социализации и ставшие старожилами, являются опорой резидентальной стратификационной системы. В этом же феномене *резидентального сдвига* мы видим причину обособления и размежевания внутри одной иммигрантской общины групп, прибывших с разными волнами иммиграции. Прибывшие раньше рассматривают себя (и рассматриваются другими в рамках данной общины) как «топ-класс». Не анализируя подробно феномен резидентального сдвига, отметим, что причины его кроются не только в факторе резидентности, но и в особенностях процесса социализации.

Пример комнаты был выбран нами для того, чтобы продемонстрировать специфику резидентальной системы на самом элементарном уровне социального взаимодействия. Здесь деление на старожилов и новичков возникает стихийно и не закрепляется в универсальных

нормах, а потому недолговечно. Санкции, используемые старожилыми для сохранения своего статуса, также не носят формализованного характера и могут варьироваться от остракизма до физического насилия.

Ярким примером «институционализации» резидентальной стратификационной системы является жизнь армейской казармы, в которой сосуществуют рядовые разных призывов. Если в абсолютном большинстве сообществ резидентность выполняет лишь функцию дополнительной стратификации (играющий на гитаре, компанейский новичок в общежитской комнате может сразу же заслужить авторитет среди резидентов, не проходя всех стадий социализации; иммигрант-миллионер в меньшей мере чувствует себя нерезидентом, чем иммигрант, живущий на пособие), то здесь закон резидентности непреложен и универсален. Ни богатство, ни связи, ни личные качества не помогут новобранцу войти в «дембельский» круг (хотя могут значительно изменить отношение к нему). Страты «духов», «черпаков», «дедов» и «дембелей» по своей закрытости не уступают кастам. Переход здесь осуществляется автоматически (с соответствующими ритуалами) и сопровождается перераспределением статусов, ролей, прав и обязанностей.

Любопытный прецедент одновременного действия резидентности на разных уровнях представляет собой перевод солдата второго года службы из одной части в другую. В новом окружении он по-прежнему остается «дембелем» и может претендовать на все привилегии этого страта. Он – не новичок в армейской системе как таковой. Однако в данной конкретной казарме он является новичком и потому занимает положение «последнего среди первых». Ему еще предстоит доказать свою лояльность новому сообществу. Действие неформального института («дедовщина»), закрепляющего резидентальное неравенство на данном уровне, опирается на угрозу применения физического насилия, однако роль «цементирующего фактора» здесь играют традиции, ритуалы, нормы.

Другой пример действия резидентальной стратификационной системы на мезоуровне – разделение на «старых», «новых» и «коренных» горожан (резидентальная триада). Процессы урбанизации изменили облик современного города, сделав резидентальное расслоение социально значимым. На уровне города резидентальная система приобретает новые черты, одна из которых – территориальная дифференциация. Компактное расселение «новых горожан» и «старожилов» обусловлено не только экономическими причинами. Во многих крупных городах есть районы, заселенные исключительно нерезидентами. В Нью-Йорке это иммигрантские гетто, в Самаре – районы бывших рабочих общежитий, в Хайфе – террасы новоприбывших. Эти районы неоднородны в экономическом отношении. Так, в юго-восточной части Бруклина, занятой иммигрантами из России, можно встретить как многомиллионные дома на океанском побережье, так и дешевые многоквартирные «дормитории». Аналогичная ситуация в другой «русской колонии» – в Квинсе, где также выделяется престижная часть (Forest Hills) и «дешевые кварталы» (Meadow-lake). Хотя и внутри колоний, как правило, сохраняется территориальный барьер между старожилыми и новоприбывшими. Например, в исследовании У. Уорнера, посвященном «Янки-Сити» (г. Ньюберипорт, Массачусетс), описывается квартал резидентной элиты города Хилл-Стрит (в действительности Хай-Стрит) [16: 240].

Примером более или менее жестко стратифицированного по критерию резидентности города служит Хайфа. Город расположен на трех террасах, спускающихся к морю. Однако самые дорогие дома расположены не в прибрежной полосе (как в большинстве городов), а на верхней террасе. Связано это с тем, что город начал расти «сверху», и верхняя терраса была заселена подлинными резидентами – «отцами-основателями». По мере прибытия новички селились ближе к морю, заселяя среднюю и нижнюю террасы. Таким образом, волны иммиграции обусловили рост города, определив его социальную структуру. Теперь на верхней террасе расположены элитные дома, а сам факт проживания в этом районе служит своего рода индикатором принадлежности к «старым семьям».

На данном уровне резидентальное неравенство закрепляется действием различных формальных институтов. В России наиболее «эффективным» из них является прописка. (В странах, где институт прописки отсутствует, закрепление резидентального неравенства достигается средствами муниципальной политики и разного рода территориальных ограничений.)

Еще одно проявление резидентности на уровне города – претензии на выражение неких особых ценностей, «духа этих мест», городской культуры со стороны коренных жителей. При этом не только сами резиденты, но и старожилы, прожившие в городе значительную часть своей жизни, и новички признают обоснованность подобных претензий.

Резидентальная стратификация проявляется и на уровне государств. Однако для более детального анализа необходимо обратить внимание на различия в тех функциях, которые резидентность выполняет в Национальных Государствах и «Государствах Иммигрантов».

4) Резидентность в странах Старого и Нового света

В национальных государствах фактор резидентности играет второстепенную роль по отношению к иным факторам, обуславливающим обособление иммигрантских общин и их выделение в качестве отдельного слоя. Здесь более значимыми являются этнические, конфессиональные, культурные различия.

В странах, где национальность определяется на основе этнического происхождения (так называемая модель Старого света), нация создает государство. В таких государствах чувство собственной национальной специфики проявляется сильнее, чем в странах Нового света, и в них существует четкое разграничение между национальной и гражданской идентификацией. Эта модель особенно характерна для регионов, населенных исторически сложившимися нациями, в особенности – в сравнительно новых странах, созданных в эпоху расцвета идеи национального государства после Первой мировой войны (Польша, Венгрия, Чехословакия) [12: 18].

В странах Старого света территория как конституирующий фактор вторична по отношению к нации, а потому количество прожитых на территории лет не компенсирует «чужеродности» новичка. Здесь определяющим является разделение на резидентов, принадлежащих титульной нации, и нерезидентов-инородцев, которые остаются инородцами независимо от сроков проживания.

Подобную особенность стратификации в национальных государствах отмечает в частности, М. Сильверман, анализирувавший процессы культурной ассимиляции иммигрантов в современной Франции [5, глава «Immigration and the nation-state»]. Не коренной француз не может претендовать на выражение «французских» ценностей – сколько бы лет он ни прожил в стране.

Э. Гидденс, описывая процессы иммиграции в Великобританию, отмечает, что причиной замыкания иммигрантских общин в себе и фактического превращения их в андеркласс являются этнические отношения [11: 130]. Сходные причины «консервации» иммигрантских общин в Германии и Италии отмечает С. Сассен [4: 51–77].

Резидентность предполагает не национальную, а территориальную принадлежность. Связь с территорией страны, с «землей», в которой похоронены поколения предков, дает резидентам право на выражение ценностей общества. А потому резидентальная стратификационная система более явно проявляется в государствах, определяющих свой статус исключительно на территориальной основе (как «государство всех граждан»), чем в государствах, где определяющим фактором является этническое происхождение.

В странах Нового света само государство создает нацию, и гражданство автоматически получает каждый, родившийся в пределах данной страны. Поэтому процесс гражданской

социализации в таких странах не связан с этнической принадлежностью, культурными особенностями или национальным происхождением [12: 20]. В «переселенческих обществах» процессы стратификации идут параллельно процессам заселения и освоения территории. Это создает основу для формирования резидентальной стратификационной системы. (Более подробно о феномене резидентности и полиэтничности в канадском и австралийском обществах см. в [3: 165–179] и [1: 144–168] соответственно.)

Глава 2. Резидентальная стратификационная система в переселенческих обществах (на примере США и Израиля)

1) В поисках «точки отсчета»: исторический анализ

Соединенные Штаты и государство Израиль относятся нами к числу обществ, в которых резидентальная стратификационная система получила наиболее полное развитие. Нужно отметить, что подобное отнесение – условно в силу очевидных различий между американским и израильским обществами. Первое сформировалось в процессе колонизации и имеет длительную колониальную предысторию, второе стало результатом *репатриации*. Первое изначально позиционировалось как «государство всех граждан», в основе идентичности второго – национальная идея. В отличие от США, Израиль нельзя однозначно отнести к странам Нового мира. Однако и в том, и в другом случае наблюдаются общие черты, способствовавшие усилению значения резидентности в стратификационных процессах. Отметим только, что и в США, и в Израиле имело место рождение Новой Нации, в котором особую роль играло заселение территории.

В американском и израильском обществах описанная нами выше четырехслойная структура, образующаяся при одновременном действии первичной и вторичной резидентности, получила наиболее полное воплощение. Здесь можно говорить не только о традиционном разделении на иммигрантов и резидентов, но и о существовании менее очевидных собственно резидентальных различий: делении на «старые» и «новые» семьи в среде резидентов, на старожилов и новоприбывших в среде иммигрантов.

Очевидно, основополагающими для возникновения резидентальной системы являются процессы иммиграции и формирование на заселенной территории своего рода протообщества – поселенческой общины. Значит ли это, что начало массовой иммиграции является «точкой отсчета» формирования резидентальной стратификационной системы?

Вероятно, нет. Особым предметом гордости для современного американца является наличие предков-колонистов, прибывших на «Мэйфлауэре», от которых ведет свою историю «американская нация». В США более десятка городков с одноименным названием; жители каждого из них претендуют на статус «потомков колонистов». Однако колония, заложенная пуританами с «Мэйфлауэра» в Плимуте (штат Массачусетс) в декабре 1620 г., отнюдь не была первой британской колонией на американском континенте.

Первая колония – Вирджиния – была основана пиратом Уолтером Рэйли еще в 1585 г. Весной 1606 г. король Яков I пожаловал двум акционерным компаниям – Лондонской и Плимутской – хартии, по которым им предоставлялось право на колонизацию Вирджинии. По указу губернатора Дейла (1614 г.) поселенцы, сумевшие оплатить свой проезд в колонию и *прожившие в Вирджинии 3 года* [курсив мой – В.В.], приобретали право землевладения. К 1618 г. в Вирджинии уже действовала Генеральная Ассамблея (законодательный орган колонии) и Палата горожан (орган местного самоуправления) [13: 28–29].

Именно в Вирджинии наметились первые признаки разделения властей – основы будущей политической системы США. Здесь же впервые был применен критерий резидентности при наделении правами землевладения (право на землю получал тот, кто прожил на ней определенный срок). Не является ли опровержением принципа резидентности тот факт, что

именно плимутская колония пуритан, основанная на 35 лет позже Вирджинии, дала начало американскому обществу?

Очевидно, начало формирования резидентальной стратификационной системы совпадает не с началом заселения территории, а с возникновением некоего «ценностного консенсуса», того общего ценностного стандарта, носителями которого являются старожилы и который необходимо передать новоприбывшим, чтобы обеспечить всем жителям общую идентичность. (Подобно тому, как в общежитской комнате резидентность начинает играть стратифицирующую роль только после прибытия новичка, когда у старожилов возникает необходимость сохранить заведенный порядок вещей.) В США носителями нового, подлинно-американского мировоззрения были пуритане, обосновавшиеся в колониях Новой Англии.

Так, пуритане, назвав себя пилигримами Нового Ханаана, вознамерились построить «град божий на земле», подчеркивая мессианское предназначение колонизации. Еще на корабле было заключено соглашение, известное как «соглашение на «Мэйфлауэре», предусматривавшее объединение поселенцев в единый «гражданский политический организм» с целью поддержания порядка и безопасности, а также создания «справедливых и одинаковых для всех законов» во имя «всеобщего блага». Глава экспедиции и губернатор будущей колонии Джон Уинтроп, собрав пассажиров, провозгласил: «Будем мы, подобно Граду на Холме. Взоры всех народов будут устремлены на нас...» [13: 30]. Комментируя слова Уинтропа, американский историк Дэниэл Бурстин отметил: «Никому из описывавших это событие, даже спустя триста лет, не удалось выразить лучше американское предназначение» [9: 8–9].

Одно из первых объяснений «культурной победы» новоприбывших пилигримов над старожилыми-южанами предложил А. де Токвиль в 1831 г.: «Первая английская колония была основана в Вирджинии: эмигранты прибыли туда в 1607 году. [де Токвиль ошибается, 1607 г. – это год экспедиции Дж. Смита и основания Джеймстауна, первого укрепленного форта на территории колонии. Сама колония была основана в 1585-м г.– В.В.]. В то время в Европе господствовало убеждение в том, что главное богатство народов состоит в обладании золотыми приисками и серебряными рудниками... Поэтому в Вирджинию отправляли прежде всего именно искателей золота – людей без средств и с плохой репутацией, чей неумный и буйный нрав нарушал спокойствие только что родившейся колонии. Вслед за ними стали приезжать мастеровые и земледельцы – люди более спокойные и более нравственные, но практически ничем не отличавшиеся от низших слоев английского общества. Ни единого благородного помысла, ни одной возвышенной цели не лежало в основе создаваемых ими поселений... Что же касается Севера, то здесь на той же исходной английской основе появилось нечто совершенно противоположное. Именно в северных колониях, более известных как штаты Новой Англии, сформировались те два или три основных принципа, на которых сегодня основывается теория общественного развития Соединенных Штатов. Принципы, возобладавшие в Новой Англии, сначала получили распространение в соседних штатах, а затем, проникая все дальше и дальше, дошли до самых отдаленных районов страны» [15: 23–24].

То, что именно от колонистов-пуритан берет свое начало система ценностей современного американского общества, де Токвиль объясняет природой самих пуританских *ценностей*. Но если резидентальная стратификационная система формируется по мере вступления новичков в отношения усвоения/передачи ценностей резидентов, то *механизмы ценностной трансляции* имеют не меньшее значение. Строгое следование новичками ценностному стандарту, определенному резидентами, является необходимым условием существования резидентальной системы. Так, в 1673 г. Генеральная ассамблея издала указ, запрещающий поселяться в колониях Новой Англии кому бы то ни было, чьи убеждения не будут предварительно одобрены магистратами. «Быть может, никогда в будущем, – пишет

Д. Бурстин, – вплоть до закона Маккарена, от иммигрантов в нашу страну не требуют столь категоричной лояльности» [9: 11].

Тот факт, что начало американской нации дала не многочисленная, развитая в экономическом и политическом отношении колония Вирджиния, а небольшая сектантская община Новый Плимут, возникшая значительно позже, не опровергает сам принцип резидентности. Он лишь указывает на то, что резидентальная стратификационная система не возникает автоматически по мере притока иммигрантов, а формируется вместе с ценностным стандартом нового социума.

На примере израильского общества также можно убедиться: «точка отсчета» в формировании резидентальной стратификационной системы не совпадает ни с началом экспансивного освоения территории, ни с появлением на ней первых резидентов, ни с провозглашением государства. Первые репатрианты-сионисты, с которых принято начинать отсчет существования *ишува* (поселенческой общины), отнюдь не были первыми евреями на территории Палестины. Религиозные общины – периодически пополняемые новыми *олим* (дословно «взошедшими», репатриантами) – существовали в четырех Святых городах (Иерусалиме, Цфате, Хевроне, Иерихоне) на протяжении столетий. Численностью эти резидентные слои превосходили первую волну репатриации и восприняли сам факт наплыва светских евреев-репатриантов крайне негативно [12: 48]. Никаких контактов с резидентами новоприбывшие не поддерживали¹.

Причиной столь резкого размежевания послужили не только традиционные барьеры между резидентами и иммигрантами, но и радикальные различия в восприятии «ценностей места». Вплоть до середины XIX в. репатриация обуславливалась исключительно религиозными мотивами. Новоприбывшие, движимые идеалами светского сионизма, не встроились в существовавшую систему, а противопоставили ей иной тип социальной организации, что привело к открытым конфликтам между резидентами и иммигрантами. Последующие волны светской репатриации закрепили статус «отцов-основателей» не за резидентами, а за первыми репатриантами-сионистами, что привело к вынесению подлинных резидентов «за скобки» стратификационного членения. (Подобно тому, как отцами-основателями американского общества принято считать мятежных колонистов-пуритан, а не прибывших раньше «лояльных» колонистов-фермеров). Судьба религиозных общин, исключенных из резидентальной системы и лишенных права на выражение истинных резидентных ценностей, в этом отношении показательна и чем-то схожа с судьбой американских индейцев. Они полностью обособились, отказались признать Государство Израиль, не приняли ни языка, ни государственных символов, их члены не платят налогов, не служат в армии и редко выходят за границы религиозных кварталов (своего рода резерваций). Себя эти группы воспринимают как «настоящих резидентов», имеющих – в отличие от израильтян – историей и веками подтвержденное право на Святую землю.

Вторая волна репатриации (1905–1920 гг.) приняла от старожилов эти «ценности места» и активно включилась в процесс их воспроизводства. Иными словами, «точкой отсчета» в формировании резидентальной стратификационной системы в израильском обществе – как и в обществе американском – можно считать возникновение *ценностного консенсуса*.

Таким образом, возникновение резидентальной стратификационной системы в большей степени связано с «ценностными», нежели с «ресурсными» основаниями резидентности. На примере американского и израильского обществ мы видим, что статусом «резидентов» и «отцов-основателей» наделяется отнюдь не та группа, которая, прибыв раньше, успела «застолбить участок» и узурпировать ресурсы, а та, которая сумела навязать свою систему ценностей остальным. Резидентность начинает играть роль стратифицирующего критерия

¹ Некоторые авторы отмечают, что поселенцам часто было проще договориться с арабскими племенами, чем с религиозными общинами [6].

лишь тогда, когда между старожилами и новоприбывшими складываются отношения передачи/усвоения ценностей. В отсутствие данного ценностного фундамента все проявления резидентальной системы стратификации сводятся к борьбе новоприбывших со старожилами за обладание ресурсами. Можно было бы предположить, что у группы резидентов, добившейся доминирования в экономической сфере и узурпировавшей ресурсы, больше шансов установить и ценностный диктат. Однако пример малочисленной колонии пуритан, распространившей свое влияние на большую часть континента, и первых сионистских киббуцев, определивших облик будущего государства, показывает, что отнюдь не всегда резидентность обеспечивает преимущество и в экономической, и в «ценностной» сфере. А монополия на истину для закрепления резидентных позиций не менее важна, чем монополия на ресурсы.

2) Первичная и вторичная резидентность в стратификационных исследованиях (У. Уорнер, Ш. Свирский)

Принимая за точку отсчета вступление старожилов и новоприбывших в отношения передачи/усвоения ценностей, мы отмечаем лишь начало первого этапа формирования резидентальной стратификационной системы. Начало второго этапа связано со сменой поколений. Дети «первопроходцев» получают статус потомственных резидентов, и формируется устойчивая резидентальная триада: страты «коренных», «старых» и «новых» граждан. Наконец, третий этап начинается после смены нескольких поколений (когда вырастают следующие поколения «уроженцев»). Тогда и возникают различия между «старыми» и «новыми» семьями. Эти различия уже не столь значимы, как различия между резидентами и иммигрантами или между старожилами и новоприбывшими. Однако их существование тесно связано с той некогда установленной первопроходцами «монополией на истинные ценности», которая и дала развитие всей стратификационной системе. Прямое родство с «отцами-основателями» делает претензии представителей «старых семей» на выражение подлинных «ценностей места» легитимными.

Так возникает феномен старых семей, резидентной аристократии. Наиболее полный анализ этого феномена, на наш взгляд, был дан У. Уорнером в исследовании символических основ классовой структуры «Янки-Сити» [10], [16].

В основе подхода Уорнера к изучению стратификации лежали «субъективные» критерии. Анализируя ранжирование индивидов по классам, Уорнер и его коллеги поначалу попытались связать классы с экономическим статусом, уровнем доходов, родом занятий, однако между классовым положением и этими параметрами не обнаружилось однозначного соответствия [16: 625]. Тогда была выработана оригинальная исследовательская стратегия, позволившая Уорнеру преодолеть ограничения «объективистского» подхода. Классы были определены как «два и более порядка людей, которые *считаются* находящимися на социально высших и низших позициях и соответствующим образом ранжируются членами сообщества». С помощью поголовного интервьюирования жителей Янки-Сити было определено место каждого относительно других. Полученную иерархию Уорнер разделил на шесть слоев. И лишь затем было исследовано, как статусная позиция в классовой иерархии проявляется, подтверждается и закрепляется в участии индивида в различных группах (семьях, профессиях, ассоциациях), а также в таких показателях, как место жительства, тип жилища, соседство, денежный доход, модели расходования денег, уровень образования, этническая принадлежность, формы проведения досуга и т.д. В итоге Уорнер пришел к выводу, что классовое положение индивида определяется всей совокупностью названных факторов, а точнее, *ценностным отношением* членов сообщества к этим социальным фактам, которое переносится соответственно на индивида, окруженного их ценностно-символической аурой. Одним из таких фактов является вторичная резидентность.

Описывая подготовку к празднованию трехсотлетия города, Уорнер выделил группу, обладавшую, по его мнению, монополией на интерпретацию истории: «С точки зрения предельных идентификаций и принадлежностей, коллективным символом, представляющим группу для всего коллектива, обладали «Сыновья и дочери первых поселенцев старого Янки-Сити», спонсировавшие образы собственных предков-первооснователей» [16: 216]. То есть группа прямых потомков первопоселенцев фактически приняла на себя функции носителей подлинно резидентных ценностей.

В чем же причины подобной легитимации высших позиций резидентной аристократии? «Хотя последующие поколения укрепили родословную старых семей и соткали своими браками и достижениями новую родословную, – пишет Уорнер, – этот период остается моментом истории, в котором сегодняшний Янки-Сити вновь может вернуться к величию. Делая это, город легитимирует статус старосемейного класса. Как только родословная получает высшее положение в статусной иерархии, рождение в семье с такой родословной автоматически становится достаточным для принадлежности к высшему классу. И неудивительно, что хранителями традиции в Янки-Сити, определявшими, каким символам и периодам истории следует уделить особое внимание, были члены класса старых семей» [16: 160].

Уорнер отмечает, что признание потомков старожилов в качестве хранителей «ценностей места» имеет под собой символические основания: «Могущество символов периода славы уходило корнями в те процессы, которые удостоверяли и легитимировали статус американской наследственной аристократии. Благодаря неофициальному одобрению она приобрела высокое положение, которое отныне было ей гарантировано... Как только отдельные семьи и индивиды сами обрели признанное высокое положение и получили возможность передавать этот статус следующим поколениям, социально утвердилась наследственная элита. Факты ее образа жизни могли стать и становились символами, представляющими ее как высшую часть статусной иерархии. В статусе (высшей высшей) наследственной элиты воплощены высшие добродетели прошлого. Они принадлежат всему обществу, ибо... репрезентируют социальные ценности, которые каждый тем или иным образом разделяет. Семьи, обладавшие величайшим престижем и властью, установили социальную позицию, являющуюся ныне источником социального престижа и превосходства» [16: 206].

Уорнер отмечает, что вертикальная мобильность как таковая, открывающая возможности для продвижения вверх класса «новых семей» (низший высший класс), появилась уже после утверждения позиции резидентной элиты: «Мобильный человек, в его сегодняшнем понимании и социальном определении появился уже после того, как эта эпоха, ее объекты и весь ее образ жизни были наделены социальным авторитетом и привлекательностью. С тех пор наследием тех, кто принадлежал этой эпохе, владели семьи, имеющие родословную. А поскольку статусная система является открытой и люди в ней могут перемещаться вверх и вниз по социальной лестнице, то перед амбициозными «новыми семьями» появилась возможность в нее войти» [16: 206].

Уорнер отмечает, что легитимация статуса резидентной элиты наделяет все сообщество статусом «резидентного». Иными словами, признавая претензии старых семей на выражение «ценностей места», Янки-Сити как город-резидент получает право на «ценностный патронаж» и выражение подлинных американских ценностей: «...в то время как нация находится на пути к мировому величию, мы, жители Янки-Сити, заложившие начало всего того, что ныне существует, обладаем уникального рода престижем, который разделяют с нами лишь те, кто жил во времена, когда зарождалось Великое Общество. И чтобы утвердить за собой права законных наследников и сегодняшних владельцев великой традиции, те, кто живет не здесь – а это сто с лишним миллионов человек, – должны прийти к нам. Именно в нас живет великая традиция, и именно наши символы легитимно ее выражают» [16: 240].

Мы не будем подробно рассматривать проблему «резидентного общества», поскольку она имеет лишь опосредованное отношение к теории стратификации. Отметим, что резидентность является критерием не только ранжирования групп внутри сообщества, но и фактором признания за тем или иным сообществом резидентных прав (например, права на территорию).

Итак, Уорнер выделяет следующие условия закрепления вторичной резидентности в качестве критерия стратификации: идентификация с прошлым и межпоколенческая трансмиссия ценностей.

Иначе резидентальные различия отражаются на стратификационной картине израильского общества. Здесь более значимой оказывается первичная резидентность – различия между старожилами и новоприбывшими. Это обусловлено тем, что в израильском обществе – в отличие от общества американского – уроженцы уступают численностью иммигрантам (в результате двух мощных волн «марокканской» и «русской» иммиграции 1970-х и 1990-х гг.). Можно говорить о существовании в Израиле устойчивой резидентальной триады: коренных жителей (*сабры*) – старожилов (*ватики*) – новоприбывших (*олимы*), поскольку резидентальная стратификационная система только переходит здесь на третью стадию своего развития, и различия между классами старых и новых семей (потомками репатриантов первой и третьей волны) практически не значимы по сравнению с различиями между коренными жителями и иммигрантами или между старожилами и новоприбывшими. В то же время существуют отдельные поселения, являющиеся носителями вторичной резидентности, «халуцианского духа» (*халуцим* – первопроходцы), претендующие, подобно Янки-Сити, на выражение «подлинных ценностей места» (к примеру, города Ришон-ле-Цион («Первый на Сионе») и Рош-Пина («Краеугольный камень»), построенные еще репатриантами первой-второй волны и неизменно идентифицирующиеся с героическим прошлым – осушением болот, закладкой сельскохозяйственных поселений, созданием первых отрядов самообороны).

Многие израильские социологи сходятся во мнении, что волны иммиграции сформировали стратификационную картину в современном Израиле. Так, например, в исследовании Ш. Свирского, опубликованном в 1981 г., отмечается, что топ-класс составляют в основном репатрианты первых трех волн (прибывшие до провозглашения государства или сразу после). А средний класс и нижний класс – это репатрианты 1960–1970-х гг. Причем, процент выходцев из Северной Африки и арабских стран в «андерклассе» значительно выше [8], [12].

Можно выделить три подхода к объяснению подобной значимости резидентальных различий. Первый подход – *функционалистский*. Его сторонники Ш.Н. Эйзенштадт и И. Бен-Давид склонны объяснять затруднения, испытываемые новоприбывшими в их продвижении по социальной лестнице, трудностями социализации и усвоения ценностей резидентов [7: 171–183]. Сам Ш. Свирский, будучи сторонником *марксистского* подхода, интерпретирует резидентальные различия как проявление различий классовых. Резиденты (потомки первых репатриантов) рассматриваются им как господствующий класс, новые репатрианты из стран Азии и Африки – как подчиненный класс, а прибывшие в 1970-х гг. репатрианты из Европы – как средний класс [8: 15].

Наконец, сторонники *плюралистического*, основанного на веберийской традиции, подхода (С. Смуха) описывают Израиль как этакратическое или меритократическое государство, в котором прибывшие раньше имеют больше шансов занять место в госаппарате и, соответственно, больше шансов на вертикальную мобильность [6].

То есть при объяснении влияния резидентальных различий на классовую структуру в израильском обществе исследователи чаще апеллируют к «ресурсным» основаниям резидентности, акцентируя не значимость «ценностного консенсуса» и его межпоколенческой трансмиссии, а борьбу новоприбывших со старожилами, занявшими ключевые позиции и узурпировавшими ресурсы, закрывшими «олимам» путь наверх.

Необходимо отметить, что если У. Уорнер, анализирувавший символическую природу действия вторичной резидентности, использовал «субъективный подход» к изучению стратификации, то Ш. Свирский, акцентировавший «ресурсные», экономические основания резидентнтальных различий, опирался на «объективистское», марксистское определение класса. Впрочем, мы оставляем вопрос о релевантности методов изучения первичной и вторичной резидентности открытым.

При всей несхожести американского и израильского обществ, в каждом из них резидентность выполняет сходные функции перераспределения неравенства, и в каждом резидентальная стратификационная система проходит одни и те же этапы становления (хотя в Израиле этот процесс еще не завершен). От борьбы за «монополию на ценностный диктат» и принятия новичками ценностей резидентов (формирование страт «старожилов» и «новоприбывших»), до размежевания «старых» и «новых» семей, потомков старожилов и новичков (завершение оформления вторичной резидентности).

Заключение

Итак, мы рассмотрели основные аспекты существования резидентальной стратификационной системы. Неравенство в сроках проживания как фактор социальной стратификации независимо от уровня проявления (малая группа, организация, город, собственно социетальный уровень) обладает рядом специфических особенностей. Возникновение резидентности всегда предполагает наличие некоего *пространства взаимодействия* (территории) и *процессов миграции*. В различных сообществах резидентальная стратификационная система проходит одни и те же этапы становления. Резидентность опирается на «ресурсные» и «ценностные» основания, а также на формальные и неформальные *институты*, закрепляющие существующее резидентальное неравенство. (При этом по мере усложнения системы, возникновения вторичной резидентности и институционализации резидентности, претензии на выражение «ценностей места» начинают играть более значимую роль в поддержании данного стратификационного типа, нежели чисто «ресурсные», экономические различия.) Все это позволяет нам говорить о целесообразности изучения резидентности как относительно устойчивого фактора стратификации и ее влияния на стратификационную мозаику.

В то же время остается не проясненным вопрос о связи резидентальной системы с иными типами стратификационных систем. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, отметим только, что существует несколько комбинаций, в которых резидентность играет существенную роль.

Например, очевидна связь резидентальной и *культурно-символической* систем в исследованном Уорнером Янки-Сити. Представители резидентной аристократии выступают по отношению к «профанам» из новых семей в качестве носителей подлинных ценностей и выразителей «духа первопоселенцев», обладающих большим символическим капиталом. Монополия на интерпретацию резидентных ценностей позволяет «старосемейному классу» устанавливать также нормативные шаблоны поведения, образа жизни, влияя на вкусы, моду, привычки и т.д. Это дает основания говорить о связи резидентальной и *культурно-нормативной* систем².

Связь резидентальной и *классовой* систем акцентируется в работах, посвященных стратификационным схемам в израильском обществе. Резиденты рассматриваются здесь как

² Причем не только в случае отдельной городской общины, но и на социетальном уровне. Примером такого культурно-нормативного образца в американском обществе может служить стереотип WASP-культуры и распространенное благодаря ей определение подлинного американца: «White, Anglo-Saxon, Protestant».

«узурпаторы», приехавшие раньше, «застолбившие» все ресурсы и перекрывшие доступ к ним новичкам (Ш. Свирский). Другие израильские авторы акцентируют внимание на связи резидентности с *этакратической* стратификационной системой. Как отмечают А. Даути и Я. Энох, Израиль в первые годы существования ориентировался на этатистскую модель советского типа, и наилучшие шансы вертикальной мобильности были у тех, кто, приехав раньше, успел занять позицию в бюрократическом аппарате многочисленных околосударственных объединений (Федерация профсоюзов «Гистадрут», Еврейское Агентство «Сохнут» и т.д.) [12: 29]. Здесь работает меритократический принцип отбора.

Лишь условно мы можем говорить о связи резидентальной и *сословной* стратификационной систем. Хотя всевозможные юридически закрепленные ограничения, налагаемые на нерезидентов, и лишение их ряда прав (права на владение землей, права на получение гражданства и вида на жительство, активного избирательного права) наводят на подобные аналогии. Так же условно мы можем проводить параллели между резидентальной и *кастовой* системой в «модели казармы», где особую роль играет жесткая резидентальная стратификация и непроницаемость резидентных страт «дембелей», «дедов», «черпаков» и «духов».

Подводя итоги, отметим, что в США, где резидентальная стратификационная система оформилась полностью, чаще акцентируются ее «ценностные» основания, связанные с обладанием культурным и символическим капиталом. Тогда как в Израиле, где система находится только на втором этапе развития (завершение оформления резидентальной триады при доминировании первичной резидентности), чаще упоминаются системы, связанные с неравенством экономического капитала и властных позиций.

Проведенный анализ заставляет нас вновь вернуться к исходному определению стратификационной системы как некой идеально-типической конструкции. Резидентальная стратификационная система всегда дополняется (либо сама является дополнительной) иными типами расслоения. И то, какое место в искомой стратификационной формуле занимает собственно фактор резидентности, определяется отдельно для каждой ситуации.

Литература

1. Bottomley, Gillian. *From another Place: Migration and the Politics of Culture*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1992.
2. Lieberman, Stanley. A Piece of the Pie: Black and White Immigrants Since 1880, in: Grusky, David (ed.) *Social Stratification: Class, Race and Gender in Sociological Perspective*. Boulder, Colo.: Westview Press, 1994.
3. McAll, Christopher. *Class, Ethnicity and Social Inequality*. Montreal, Buffalo: McGill-Queen's University, 1990.
4. Sassen, Saskia. *Guests and Aliens*. N.Y.: New Press, 1999.
5. Silverman, Maxim. *Deconstructing the Nation. Immigration, Racism and Citizenship in Modern France*. L., N.Y.: Routledge, 1992.
6. Smooha, Sammy. *Israel: Pluralism and Conflict*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978.
7. Бен-Давид И. Этнические различия и социальные изменения. Мегамот, 1952 [на иврите].
8. Свирский Ш. Не слабые, а ослабленные. Хайфа: Исследовательские и критические материалы, 1981 [на иврите].
9. Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт / Пер. с англ. М., 1993.
10. Герцог Д. Классовое общество без классовых конфликтов. Часть II // Социальная стратификация / Отв. ред. С.А. Белановский. Вып. 1. М., 1992.

11. *Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
12. *Даути А., Энох Я.* Репатриация и абсорбция: социологический анализ. Иерусалим: Изд-во ОУИ, 2001.
13. История США: В 4 т. / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. Т.1 (1607–1877). М., 1983.
14. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.
15. *Токвиль А. де* Демократия в Америке / Пер с франц. М., 1994.
16. *Уорнер У.* Живые и мертвые. М.: Университетская книга, 2000.